

"ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИКАНТРОПОВ В КАЧЕСТВЕ КОМБАТАНТОВ ЗАПРЕЩЕНО.

В СЛУЧАЕ ЗАХВАТА ВРАГОМ, ТАКИЕ ЛИЦА НЕ МОГУТ НИ СЧИТАТЬСЯ ВОЕННОПЛЕННЫМИ, НИ ОБЛАДАТЬ ЛЮБЫМИ ПРАВАМИ, ВЫТЕКАЮЩИМИ ИЗ ДАННОГО СТАТУСА".

- Статья 2, Раздел I, Будапештские соглашения (не подписаны Соединенными Штатами)

"Зверье".

Слово было произнесено мягко, но с изрядной долей желчи. Он послышалось из задней части комнаты, где группа десантников сгорбилась над своей лапшой с говядиной. Мы едва добрались до своей очереди, но теперь головы поворачиваются, и шум разговоров в столовой принимает фоновый характер. Теперь мы в центре внимания, хотя немногие осмеливаются смотреть на нас открыто.

Рядом со мной сержант Собески загружает свой поднос тарелками с едой в два уровня: макароны с говядиной, картофельное пюре, салат, хлеб, четыре куска пирога. Я следую его примеру, хотя я бы скорее жрал холодный сухпай в нашем контейнере, чем давился бы столовской едой в окружении шепотков из оскорблений и объедков, летящих мне вслед.

"Ты не можешь сюда сесть", - говорит здоровенный мастер-сержант, когда мы ставим подносы на обеденный стол.

"Я не вижу тут знаков "Столик Зарезервирован", Топ", - говорю я. Сержант Собески хватается вилку и начинает есть, совершенно не обращая внимания на дюжину враждебных пар глаз, наблюдающих за нами.

"Я сказал, что тебе нельзя сюда садиться", - снова говорит мастер-сержант. Собески даже не отрывается от еды. Сержант Собески на полголовы выше, чем самый большой солдат регулярной армии в комнате, а руки, торчащие из аккуратно подвернутых рукавов его куртки, размером с мои бедра.

В обычные дни я уступаю, беру еду и нахожу тихий уголок на базе, чтобы поесть в тишине. Но мы только что вышли из тесного и шумного вертолета, я не ел уже шесть часов, и мой бунтующий желудок заставляет меня нервничать. Поэтому я протыкаю кусок говядины вилкой, кладу его в рот и начинаю медленно жевать, не спуская глаз с мастер-сержанта. Я почти улыбаюсь, когда вижу, как его челюсти напрягаются от сдерживаемого гнева.

"Как твои имя и звание, солдат?" - спрашивает он с резким акцентом на последнем слове. "Ты в форме не по уставу".

"Я сержант Декер. Это сержант Собески. И "дресс-код" не распространяется на персонал 300-й роты в зоне ведения боевых действий".

Это так. Наша униформа зачищена и обезличена: никаких никтейпов, никаких ранговых шевронов, никаких отрядных нашивок. Даже наши западные союзники нервничают при мысли о ликантропах иностранной армии, находящихся на их земле.

Здесь, на Ближнем Востоке, где ликантропия является уголовным преступлением, местных жителей может удар хватить при виде солдат с нашивкой 300-й роты специального назначения на рукавах - первого и единственного отряда во всей армии, полностью укомплектованного оборотнями.

Мастер-сержант смотрит на нас, его челюсть все еще скрипит. Потом качает головой.

"Гребаные собачьи солдаты", - говорит он. "Армия превратилась в дерьмо, когда вам разрешили носить форму. То, что вы вообще есть, - противоестественно".

Несмотря на то, что в груди моей закипает гнев, я усмехаюсь.

"Противоестественно? Я более естественен, чем ты. Я вижу в полной темноте, слышу даже как растет трава, я чую запахи и веду их за двадцать миль от цели. И всё без батареек. Твоя же задница разъезжает на вонючем Хамви, а ночью ты слеп без фонарика и ПВС14. Насколько, вашу мать, естественно вот Это?"

Рядом со мной Собески кладет вилку и откашливается.

"Никакого неуважения, мастер-сержант, но если вы когда-нибудь снова назовете нас "собачьими солдатами" в нашем присутствии, я оторву вам руку и буду вас ею бить. А теперь заткнитесь и позвольте нам спокойно доесть нашу еду, потому что нам очень скоро предстоит патруль по СВУ. Сэр."

Ножки стула визжат по голому бетонному полу, когда мастер-сержант и все остальные солдаты регулярной армии за столом вскакивают, в глазах их - жажда крови. Здоровенный мастер-сержант сжимает кулаки и направляется к нам. Прежде чем он успевает сделать пару шагов, Собески начинает рычать. Это глубокий, покалывающий в ушах звук, такой низкий и резонансный, что столовое серебро на моей тарелке стучит. Вся комната мгновенно замолкает.

Собески берет свой стакан с газировкой и высасывает его. Хриплый хлюпающий звук соломинки громко разносится по комнате. Он смотрит на дюжину разъяренных солдат, которые стоят прямо перед нами, и на его лице нет и следа беспокойства.

Мастер-сержант все еще сжимает кулаки, но внезапный запах страха, исходящий из его пор, говорит мне, что он рад оказаться по другую сторону стола. Он смотрит на нас еще мгновение, хватая свой поднос с едой со стола и уходит, не сказав больше ни слова. За ним следуют и другие солдаты. Тот, кто последним встал из-за стола, тянет носом и харкает на пол у наших ног. Они выходят из столовой, не оглядываясь. Несколько мгновений спустя разговоры в комнате возобновляются.

"Он вернется с военной полицией примерно через три минуты", - говорю я.

Сержант Собески пожимает плечами.

"Пожалуйста. Дайте мне поспать в камере сегодня вечером, пошлите кого-нибудь другого в этот патруль. Непохоже, чтобы он сам собирался разгрести мое дерьмо".

Он кивает на мою тарелку и большую часть нетронутой еды на ней.

- Но я бы поспешил вот с этим. Так, на всякий случай."

На рассвете я отправляюсь в патруль с отрядом регулярных войск. Это терпимая утренняя полоса между ледящим кровью холодом ночи и безжалостным пеклом дня.

Мы тащимся по главной дороге в соседнюю деревню в поисках СВУ, а также чтобы погонять местных повстанцев. Дома представляют собой неопрятные груды камня, сложенные вместе безо всякого раствора. Сегодня утром несколько жителей вышли на улицу. Некоторые

отвечают на мое приветствие, но большинство делают вид, что меня не существует. Для такой маленькой горной деревушки, как эта, слишком много молодых людей слоняется вокруг.

Бризантные взрывчатые вещества имеют особый запах и пахнут даже сквозь слой земли и ржавый металлический корпус старого артиллерийского снаряда. Свежевыкопанная земля имеет другой запах. Вместе они образуют обонятельный маркер, такой же сильный и очевидный, как десятифутовая неоновая вывеска над местом засады. Даже с расстояния в сотню ярдов я чувствую запах смерти. Смерть, мастерски замаскированная, ждет нас на обочине дороги, ведущей из деревни.

"Внимание!" - говорю я в рацию. "На час, семьдесят ярдов от последнего дома справа. Пара 155х под кучей камней у водопроводной трубы".

"Потрясающе, - говорит сержант отделения, - давайте оцепим объект и вызовем ребят из группы разминирования".

Я чую новую опасность прямо в тот момент, когда в отдалении слышится треск винтовки. Пуля попадает мне в бедро, чуть ниже края моего защитного жилета. Я делаю изящный пируэт и падаю на задницу. Позади меня укрываются пехотинцы. Отрядный медик направляется ко мне, но я отмахиваюсь от него. Рана уже затягивается сама собой, и хотя она болит, будто меня проткнули раскаленной кочергой, я знаю, что к тому времени, когда я вернусь на базу, там не останется даже шрама.

Снайпер снова стреляет. Пуля поднимает пыль и щебень прямо перед моими ногами. На этот раз я вижу дульную вспышку.

"Левая сторона дороги, один пятьдесят. Маленький козий хлев с обвалившейся крышей. Левый нижний угол".

Солдат, стоящий за пулеметом 50-го калибра на "Хамви" отделения, открывает огонь из своего оружия. Медленное, грохочущее стаккато "большой пушки" заглушает голоса винтовок позади меня, другие солдаты также открывают ответный огонь.

Каждый раз, когда я нахожусь под обстрелом, я чувствую почти непреодолимое желание сорвать все эти цивилизованные атрибуты войны и принять более способный облик. В другой своей форме я могу двигаться быстрее, чем снайпер успевает прицелиться, и я чую места засад в сто раз лучше, чем в той, двуногой форме со всеми ее физическими недостатками. Но я на привязи, а поэтому выполняю приказы и остаюсь человеком.

Каждый раз, когда это происходит, я ненавижу себя - не за то, что подчиняюсь приказам, а за то, что добровольно надеваю ошейник.

Когда все кончено, козий хлев превращается в рябые развалины. К тому моменту, как парни из пехоты заходят внутрь, там ничего нет, кроме трех пустых гильз и нескольких капель крови в грязи.

Сержант отделения наблюдает, как я обхожу хижину, чтобы почувствовать обонятельные маркеры этого места.

"Двое мужчин", - говорю я. "Стрелок и корректировщик. Стрелок ранен. Сбежали через заднюю дверь и ушли в горы. Я запомнил их запах, так что смогу опознать их, если они местные".

"Конечно, они местные", - говорит сержант отделения.

Регулярные войска в восточных миссиях не очень-то стремятся сходу атаковать неведомых стрелков силами единственного отделения солдат, и я их не виню. Поэтому мы передаем отчет о контакте, устанавливаем охрану и ждем, когда прибудет группа разминирования и обезвредит артиллерийские снаряды, зарытые у дороги.

Двое человек ранены, множество боеприпасов превратилось в гром и пыль, и в конце дня мы снова вернулись к тому месту, откуда начали, как солдаты, так и боевики. И так, пока идут наши дни, идет и война.

"Три недели, - говорит Собески за ужином, - приведите сюда 300-ю в полном составе, снимите с поводков, и через три недели мы будем владеть всеми этими горами".

"Но ведь этого не случится, - говорю я. - Ты же знаешь регуляров. Никакого боевого применения ликантропов".

"Мы никогда не подписывали это соглашение".

"Нет, мы этого не сделали, но такова общая политика. Не очень хочется злить союзников".

"В жопу союзников", - говорит Собески. "Какой в нас смысл, если они используют нас только как миноискатели с ногами? Такое расточительство. Это все равно, что использовать морских котиков как спасателей в бассейне".

Я фыркаю прямо в свой тост с говядиной. Собески смотрит мимо меня в окна столовой. Снаружи солнце садится за горы к западу от нас.

"Просто подумай об этом. Вся честная компания, почти двести наших сородичей, выковыривает этих ублюдков из их пещер темными ночами. Оставляет кучу голов, чтобы они нашли их потом, как они это делают с нашими парнями. В общем, говорю тебе, - три недели."

Не могу сказать, что раньше не чувствовал того же. Но затем я думаю о приеме, который мы получили бы дома, если бы нам предшествовали сетевые публикации с расчлененкой, и о том обращении, которое мы бы спровоцировали, если бы весь мир столкнулся с тем, что может случиться, когда ликантропы собираются вместе большой стаей и идут на охоту за людьми.

Но я не озвучиваю эти мысли Собески. Вместо этого я отвечаю на его ухмылку кивком, подразумевающим согласие, и заканчиваю ужинать. Собески не из тех людей, которые проводят много времени, размышляя о последствиях.

При ФОБе есть наблюдательный пост. Он находится на вершине холма в полумиле. Каждую неделю там сменяется дежурное отделение. Теперь, когда на базе находится пара ликантропов, Командование решило отправить одного из нас со следующим отрядом. Мы с Собески тянем соломинки - кому дежурить в первую неделю. Он вытягивает короткую.

"Что-то не так в этой долине, - говорю я ему, помогая упаковать его вещи. - Запах какой-то не тот. Чую, что мы окажемся в дерьме прежде, чем эта неделя кончится. Верти там башкой активнее, лады?"

"Блин, да мне не о чем беспокоиться, - говорит Собески и застегивает ремни своего бронжилета. - Если дела пойдут дерьмово, я сброшу всю снарягу и стану... самим собой".

"Постарайся не злить регуляров, дружище. Тебе ведь нужно и спать временами".

"Им тоже, - говорит Собески. - Там всего лишь одно отделение. Если у них вообще есть мозги, они будут изо всех сил стараться не разозлить Меня".

Я помогаю ему с остальным снаряжением и смотрю, как он неторопливо направляется к ожидающим снаружи Хамви, неся свой стофунтовый рюкзак, будто туалетную косметичку.

Наблюдательный пост находится в поле зрения основной базы, но Humvee требуется полчаса, чтобы подняться по крутой узкой грунтовой дороге, вьющейся на эту гору. Если что-то пойдет не так, этот пост может с таким же успехом оказаться в другой стране, потому что никто из нас не приедет вовремя, чтобы помочь.

Маленькая колонна уезжает, за ней следуют петушиные хвосты из пыли. Теперь на базе я - единственный ликантроп, которому едва ли очень рады, и терпят только из-за обоняния и способности видеть приближение неприятностей в темноте.

Они не упоминали об этом в брошюре о приеме на работу, да и не обязаны. Я всегда знал, во что ввяжусь, но все равно подписал контракт, надеясь, что со временем все изменится. Но этого так и не происходит - ни там, в горах, ни в головах наших солдат.

Ночь безлунная. Мы вышли в патруль сразу после полуночи, пеший взвод в полном составе. Мои спутники выглядят немного непохожими на людей в своей громоздкой броне, с парными линзами ПНВ, что закрывают и искажают их лица.

Я вышел налегке - без винтовки, потому что мне нельзя сражаться, и без прибора ночного видения, потому что таковой мне не нужен. Как всегда, я иду во главе колонны, потому что хочу раньше других уловить душок неприятностей, если они встретятся на нашем пути, а также потому, что меня намного труднее убить, чем солдата регулярных войск.

Повстанцы сегодня - не наша проблема. Все, что я чувствую, - это застывшая жизнь деревни вокруг нас, люди, спящие в своих домах за древними каменными стенами и кривыми дверями, и дремлющий огонь в отяжелевших от пепла очагах. Тем не менее, сегодня вечером в воздухе витает новый запах. Я испытываю смутное тревожное чувство угрозы, но не могу точно определить его. Кругом пахнет более ... дико, чем раньше, и почему-то ... опаснее.

Мы находимся на дороге между деревней и ФОБ, когда вдаль раздается автоматная стрельба. Мы все по привычке занимаем позиции прикрытия, но звук выстрелов доносится не из какого-то места поблизости. Он долетает до нас с вершин холмов на востоке, там, где на горе находится наблюдательный пост.

Позади меня спешно ведутся переговоры по радио. Я смотрю на наблюдательный пост. Он - единственное, что видно вдаль, благодаря вспышкам выстрелов на вершине холма. Что-то в стрельбе звучит странно. Я слышу лязг карабинов М4, стреляющих короткими тройками, но я не слышу ни более глубокого, низкого звука повстанческих АК-47, ни медленного, тяжелого грохота пулеметов с ленточной подачей. Похоже, каждый солдат на вершине горы стреляет из своего карабина, но никто не стреляет в ответ...

...я нахожу Собески в бункере, в расположении тяжелых орудий. Он сидит прямо у стены, упершись подбородком в грудь, как будто просто присел вздремнуть. В комнате уничтожено и перевернуто буквально все, не осталось ни одного целого предмета.

Я знаю, что Собески легко мог бы выстоять против трех-четырех парней, даже когда он в

человеческой форме, но то, что сражалось с ним здесь, было сильнее и быстрее. Мне не нужно проверять его пульс, чтобы понять - он мертв. Его баллистическая броня наполовину раскрыта, фастексы пояса расстегнуты. Когда произошло нападение, он попытался сбросить одежду и снаряжение, чтобы встретиться с врагом на равных, но у него не было времени, и он вступил в бой с голыми руками.

Его убийцы больше нет на вершине холма, но он оставил мощный обонятельный маркер, по которому я мог бы выследить его даже во сне. Меня так и тянет бежать в темноту прямо сейчас, найти его и разорвать в клочья, ... но у подножия холма ждет взвод, и мне не хочется, чтобы они наткнулись на эту бойню без предупреждения с моей стороны.

Когда я спускаюсь с холма, я делаю это на двух ногах и в обнаженной человеческой форме, помня о нацеленных на меня тридцати винтовках и пулеметах.

"Одиннадцать тел", - говорю я лейтенанту. "Не беспокойтесь о медиках. И не ходите туда, иначе еще долго не сможете еще какое-то время спать спокойно".

"А ваш парень?"

"Собески мертв", - говорю я. "Судя по всему, он первым его достал".

"Нихрена себе, это "оно"?" - спрашивает он, хотя я могу сказать по исходящему от него запаху страха, что он уже знает ответ.

"Уберите солдат с холма и вернитесь под защиту стен", - говорю я. "Не выходите на открытую местность и стреляйте во все, у чего есть мех. Вызовите силы быстрого реагирования. И оставьте мою одежду здесь. Она мне понадобится позже.

Лейтенант мгновение смотрит на меня, скрипя зубами. Затем он вглядывается в темноту позади меня, и страх, выходящий из его пор, становится сильнее.

"Куда ты идешь?"

"Я собираюсь убить этого ублюдка".

В темноте, далеко за холмом, раздается протяжный вой, он похож на долгий и скорбный плач.

Лейтенант крепче сжимает карабин и тянется к рации.

"Иди", - говорит он. "И удачи. Только не подходи к моим парням слишком близко, пока ты по ту сторону и, ну, в "таком" виде. Если мы замечаем любое движение - мы стреляем".

"Целься в голову и веди очередь", - говорю я ему.

Я снова иду по следу на наблюдательный пост. Прежде чем переодеться, я становлюсь на колени перед Собески, касаюсь его лбом, прощаюсь. Вскоре Собески окажется в мешке для трупов, а затем и в цинковом гробу. Меня там не будет, - не будет, когда его станут закапывать в землю дома, в Пенсильвании.

Оборотень, убивший его, сорвал цепь с жетонами с его шеи, когда они дрались. Я обнаруживаю её в грязи по запаху, в шести футах в стороне. Я беру два армейских жетона и кладу их на колени Собески, чтобы облегчить опознание, когда его найдут.

На этой цепочке есть еще одна бирка, пятисторонний медный жетон зарегистрированного

ликантропа, которую все мы обязаны носить в гражданском мире, когда возвращаемся домой.

Я беру жетон и прикрепляю его к цепочке на своей шее, где он присоединяется к моему собственному жетону, будто так и надо.

У меня нет подходящих последних слов, поэтому я отдаю последний салют сержанту Джареду Собески, 300-я рота специального назначения (литера Л), и выхожу на улицу, чтобы переодеться. Затем я убегаю в темноту, чтобы выследить и найти его убийцу.

След простывает спустя примерно пятнадцать миль. Я веду запах чужого вервольфа по пересеченной местности в течение получаса, прежде чем он кончается в холодных водах горного ручья на дне скалистого вади. Некоторое время я иду вдоль потока и проверяю подлесок на обоих берегах на предмет нового ольфакторного следа каждые несколько сотен метров, но запах полностью исчез.

Я обыскиваю холмы и овраги, пока первые лучи утреннего солнца не окрашивают восточный горизонт в кровавые тона... Кроме меня здесь никого нет.

К тому времени, как я возвращаюсь к своей одежде, уже почти рассвело, и по всей горе разбросаны отряды Сил быстрого реагирования. Я забираю свои вещи, одеваюсь и еду на базу с попутным "Хамви", совершенно измученный и изнывая от бессильной злобы.

Меня допрашивает длинная очередь из офицеров, - с каждым разом ранг дознавателя всё выше. Я повторяю один и тот же рассказ до тех пор, пока мы не начинаем надоедать друг другу. В конце концов, другой оборотень остается там, а Собески остается мертвым, он возвращается в Баграм в запечатанном мешке для трупов на полу "Блэкхока". Когда я возвращаюсь к контейнеру, который мы с ним делили, все его личное снаряжение исчезло, и место пахнет дезинфектантом.

Вечером ко мне в контейнер заходит капитан.

"Мы будем спускаться в деревню. Еженедельный пустой трёп со старейшинами, - говорит он. - Я хотел бы взять вас с собой, чтоб вы побыли на страже, так, на всякий случай".

Я встаю с койки и беру свое снаряжение. Через мгновение я вспоминаю Собески, мертвого, на посту, с наполовину расстегнутым жилетом, и оставляю броню рядом с койкой.

"Я хочу присутствовать на самой встрече", - говорю я капитану.

"Нет, ничего не поделаешь", - говорит он. "Если они выяснят, что я привел с собой ликантропа, они будут так обижены, что впредь даже никогда на нас не посмотрят. Я не хочу, чтобы Госдепартамент потом тыкал меня в это дерьмо".

"У них есть свой собственный ликантроп, и он бродит где-то снаружи, - говорю я. - Они должны знать, кто это. Спросите их прямо, и я почую, если они солгут.

Капитан несколько секунд обдумывает мою просьбу. Затем он поджимает губы и коротко кивает.

"Хорошо. Но вы будете в очках. И если они приведут с собой этого ублюдка, я хочу, чтобы вы сначала стреляли, а потом говорили мне. После вчерашней ночи я не буду рисковать".

Мы сидим на пыльном полу дома старосты. Здесь жарко и неудобно: двадцать человек в

комнате, которая чуть больше моей гостиной там, дома. Я чувствую запах раздражения и напряжения вокруг себя, но едва слышу горячую дискуссию между капитаном и старейшинами деревни.

Сейчас я смотрю только на старика, сидящего в углу комнаты и бесстрастно потягивающего чай. Он не видит моих собственных глаз за линзами солнцезащитных очков, но я знаю, что он осознает мое внимание, потому что мы оба почувствовали присутствие друг друга, как только я вошел в комнату. Старик в углу - ликантроп из вчерашней ночи, тот, кто убил дюжину наших людей.

Я знаю, что он осведомлен обо мне, осознает тот факт, что я в курсе, кто он. Он должен чувствовать мою природу так же ясно, как я чувствую его запах. Я также знаю, что его товарищи не в курсе. Их протесты против обвинений капитана искренни. Я не чувствую обмана или двуличия. Они не знают.

Я мог бы сдать его прямо сейчас - нашим солдатам, которые мгновенно застрелили бы его на месте, просто из страха, или его односельчанам, чтобы он умер гораздо медленнее и неприятнее.

Для своих я - всего лишь уродец, шутка природы, беспокоящая диковинка, которой общество неохотно предоставило статус человека. Для этих же людей, в этой части мира, старик, потягивающий чай в углу, - абсолютная мерзость, ходячее и дышащее богохульство. Я хочу, чтобы он умер за то, что сделал, но не таким образом.

Я смотрю на старика на фоне оживленных дебатов в комнате, разделяющей нас. Он продолжает пить чай, избегая моего взгляда.

Затем, в самом конце встречи, старик поднимает взгляд, и на мгновение его глаза встречаются с моими. Они не желтые, как у всех ликантропов, которых я когда-либо знал. Вместо этого они молочные, как опалы.

Он кивает мне почти незаметно.

Я отвечаю легким кивком и отворачиваюсь.

Мы только что договорились, не обменявшись ни словом. Мы решим этот вопрос так, как это делается среди изгоев, своим способом.

"Удалось что-нибудь?" - спрашивает капитан, когда мы снова выходим из дома на жаркую и пыльную улицу.

"Они этого уroda не знают", - отвечаю я и обнаруживаю, что меня не беспокоит двойственность оговорок.

Вечером нахожу тихое место по периметру базы. Затем раздеваюсь и складываю одежду в стопку. Я снимаю жетоны с шеи и кладу их поверх одежды. Потом я меняюсь.

Завтра я снова надену поводок на шею. Сегодня вечером я не буду ничьим собачьим солдатом.

Он ждет меня в вади, за много миль от ближайшей деревни или заставы.

Мы ведем битву зубами и когтями, без оружия. Он силен и быстр, несмотря на свой возраст, он берет своим звериным, диким инстинктом. Однако я тренировался и боролся со своими

собратьями годами, и, в отличие от Собески, я ничем не обременен.

Мы проливаем кровь друг друга в шквале столкновений, но в итоге именно он истекает ею сильнее. Тем не менее он не уступает, даже когда я уже держу его зубами за горло, и он знает, что побежден...

Его смерть - почетна. Лучше, чем пасть под пулями или быть забитым камнями, будучи зарытым по плечи в каменистую афганскую почву... Несмотря на Собески, я не получаю удовольствия от этого убийства.

Когда с ним покончено, смываю кровь в холодных водах ближайшего ручья. Затем я возвращаюсь к недвижимому телу моего врага, снова принимаю человеческий облик и касаюсь своим лбом его.

Я не взял ручных инструментов, а здешняя почва слишком неподатлива для голых рук или лап, поэтому я хороню старика под грудой камней, которые собираю на берегу ручья. Я не знаю, был ли он, несмотря на свою природу, верующим, но я все равно определяю правильное направление по звездам и ориентирую могилу в сторону Мекки.

Когда я возвращаюсь к своему дикому "я", чтобы бежать назад, я в последний раз оглядываюсь вокруг. Местность вокруг кажется подходящим местом отдыха для старого ликантропа. Земля здесь сурова, неумолима и мрачно красива. Небо безоблачно, и луна чертит серебряные полосы по поверхности ручья невдалеке. Здесь, под черным куполом ночного неба и его миллионами звезд, прекраснее, чем в любом соборе, который я когда-либо видел.

Я поднимаю голову и вою панихиду по своим павшим братьям. Вой отражается от суровых и древних гор, окружающих меня, эхом далекого реквиема.

Назад, на базу. Там моя одежда все еще лежит на песке, где я ее оставил. Сейчас то время в ночи, когда тьма еще не начала рассеиваться, а утро - лишь темно-синяя полоска над горами.

Я собираюсь снова принять человеческий облик, когда дверь ближайшего контейнера вдруг открывается, и солдат выходит на прохладный ночной воздух. Он прочищает горло и плюет на песок. Затем он поворачивается к углу контейнера и расстегивает ширинку, чтобы облегчиться.

Слишком ленив, чтобы дойти до биосортиров в конце ряда. Его запах мне знаком даже с расстояния в пятьдесят ярдов. Это мастер-сержант, что наехал на нас в столовой.

Я подкрадываюсь к тому месту, где мастер-сержант опорожняет свой мочевого пузырь. Когда я почти у него за спиной, я издаю мягкий рык из самой глубины груди. Мастер-сержант вздрагивает, как будто я ткнул его электрической палкой для скота.

Когда он с хриплым воплем оборачивается, меня уже нет, я отошел в тень среди контейнеров. Я с удовлетворением чувю, что мастер-сержант обоссал всю переднюю часть своих штанов.

После завтрака я иду к капитану и рассказываю ему, что сделал этой ночью. С пару часов он пытается меня разговорить, чтобы я выдал ему, где похоронил старого ликантропа, но я молчу как рыба. Все, что ему нужно знать, это то, что угрозы его солдатам больше нет. Я не хочу, чтобы они выковыряли из-под камней тело и утащили его с собой, чтобы резать и препарировать.

"Это совершенно не поможет вашей карьере", - наконец говорит капитан, когда становится сыт

мною по горло. "Я отошлю вас обратно, как только прилетит следующий "Блэкхок". Пусть ваши люди разбираются с вами. Не хочу больше видеть вас на этом ФОбе".

К обеду я возвращаюсь на вертолете в Баграм.

Мы летим высоко, вне досягаемости пулеметов и реактивных гранатометов. Двери "Блэкхока" открыты. Под нами проплывает пейзаж: крошечные деревушки, обнимающие склоны холмов, долины, древние скалы, отточенные течениями истории. Я смотрю на эти далекие населенные островки и размышляю, у скольких из них есть покровители, подобные тому, которого я похоронил прошлой ночью.

Личные документы я ношу в конверте, в кармане на ноге. Срок моей службы истечет только через два месяца, и я какое-то время таскал с собой форму повторного призыва. Достаяю из конверта и смотрю. Из-за ветра, врывающегося в открытую кабину, форма бешено колыхается в руках, как живое существо, пытающееся вырваться из моей хватки.

Я разрываю форму пополам, затем складываю кусочки и разрываю их снова и снова, пока у меня не остаётся ничего, кроме горстки рваных бумажных квадратиков. Затем я раскрываю руки и выпускаю их. Турбулентность выбивает их из вертолета, где они разлетаются, танцуя в потоках горячего летнего ветра.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/77359/2321048>